

ный посыл в эпиграфе — молитва благоверным князьям Борису и Глебу: «вашим сильным ходатайством пред Христом Богом сохраните юных во святей вере и чистоте неврежденными от всякого прилога неверия и нечистоты...»

Елена ЗИНОВЬЕВА

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Евгений Лукин. Избранное. Стихи, поэмы, переводы. СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2016. — 328 с.

Титаническую задачу решает петербургский поэт, прозаик Евгений Лукин: в наш мир, мир видеоквилизации, где торжествует наследник древних дионисийских мистерий — перформанс, он хочет вернуть прекрасный, ушедший в глубины бытия Логос. Его поэтическое кредо изложено в предисловии к сборнику: «Казалось бы, культура Логоса потерпела сокрушительное поражение, аполлоновский путь приблизился к своему завершению. Ничего подобного: он всего лишь перестал быть мейнстримом, всего лишь, поскольку слово является основным инструментом логического мышления, и отказаться от него — значит отказаться от божественного творческого начала вообще. При этом светлый аполлоновский путь остался верен своей изначальной просветительской цели — всесторонне постигать явления вечного мира в сакральной системе координат». На этом аполлоновском пути поэт обращается в первую очередь к древнейшим истокам русского национального самосознания, обнаруживая в них важные для нынешней России нравственные смыслы. Так, почти пятнадцать лет работал он над текстами древнерусских песен «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли», считавшееся «утерянной страницей» древнерусской песни, и «Задонщина» и в итоге, не искажая дух первоисточника, переложил знаменитый памятник древнерусской литературы на современное наречие. Это поэтическое переложение, включенное в сборник, высоко оценили академик Д. Лихачев и другие знатоки древнерусского эпического наследия. Послание праотцов и сегодня звучит актуально для нас, потомков, запутавшихся в хаосе разлада последнего десятилетия минувшего века: «Князья, вы забыли о брате и друге, // ...Вы сами от славы отцов отошли. // Вы, внуки Всеслава, повсюду, повсюду // Ковали крамолу и сеяли смуту, // Друг другу обиды и горе творя. // И вот, разжигая раздор самочинный, // На Русь накричали поход половчинный: // За распрями следом является пря» («Слово о полку Игореве»). Древний призыв сражаться «за землю Русскую, за веру христианскую, за обиду великого князя» с понятными для разных эпох вариациями рефреном проходит через всю историю России, этот неизбывный код русской нации пронизывает и воскрешенные Е. Лукиным тексты. Логическим для поэта стал переход от переложений памятников древнерусской культуры к созданию масштабных поэтико-эпических полотен, поэтико-философских текстов, наполненных значимой для русского мира православной символикой. Поэтические легенды «Крещение Владимира», «Падение Царьграда» и — что ныне большая редкость — драматические поэмы, где действие сочетается с прямой речью персонажей поэм. «Ксилургийский скит», поэма, посвященная обители Богородицы, первому русскому монастырю на Святой горе Афон, основанному попечением равноапостольного князя Владимира Святого. Драматические поэмы «Костер Амасийский» о первосвятителе Пермского края — преподобном Стефане Великопермском, «Каменный

мед» о сербском богослове XVII века Юрии Крижаниче, потрясенном приоткрывшейся ему тайной Руси: «Ужели Русь и Дух неотрешимы, // И нет предела этому простору, // Как нет предела Богу?» В сборник вошло и большое эпическое произведение — стихотворное либретто «Радонежская оратория» (положенная на музыку композитором В. Малаховской, она стала ярким явлением в современной культурной жизни). Для Е. Лукина обращение к личности русского святого, которого он называет духовным основателем независимого Российского государства, закономерно. Своим благословением Сергей Радонежский подвиг князя Дмитрия Ивановича и русских воинов на победу в Куликовской битве, по современным понятиям, благословил выступить за суверенитет русского государства, а тема суверенитета России актуальна и сегодня. В одном из своих интервью Е. Лукин сказал: «Народ существует, пока имеет собственный миф, оберегает свои святыни, чтит память своих героев и святых». Воскрешение и сбережение прошлого во имя настоящего и будущего своего народа — принципиальная творческая позиция поэта. Историческими аллюзиями проникнута и лирика Е. Лукина: русская провинция, окольная Русь, «где в темном ольховнике бродят поверья», где «все по наитию — значит, от Бога»; часы на воротах вокзальных, где «острая стрелка — клинок харалужный, // Ипатьевский штык со щербиной натружной, // Впопад подвернувшийся Углича нож»; Петербург с его церквями — Пантелеймоновской, «где слава светится морская, // О днях Гангута и Гренгама», Преображенским собором с оградой турецкой ковки, чудесной кирпичной церковью Артиллерийской бригады в Павловске. Неотъемлемая часть поэзии Лукина — переводы, в известной степени отражающие и греко-варяжские связи Руси, никогда не пребывавшей — вопреки мифам — в изоляции от мирового культурного пространства. Это произведения древнегреческого поэта Тимофея Милетского, варяжского скальда эпохи Ярослава Мудрого Харальда Хардрода, переложение Вергилия. В книгу вошел цикл «Рыцарские песни» немецкого поэта Б. фон Мюнхгаузена (1874–1945), правнука прототипа знаменитого литературного персонажа. Строки одного из его стихотворений: «О, вечный мир! Какой ехидна // Тебя придумал сгоряча? // Он никогда не слышал, видно, // Возвышенную песнь меча» — своего рода заявка еще одной важной темы, темы бесчеловечности войны в творчестве поэта Е. Лукина, составителя уникальной антологии «Книга павших», где опубликованы — многие впервые — переводы стихотворений поэтов из двенадцати стран мира, павших на полях сражений Первой мировой войны. Отдельные страницы из антологии воспроизведены в данной книге. В основу поэмы «Ад Грозного» (1996) лег личный опыт поэта, участника боевых действий. Е. Лукин знакомит читателя и с современной зарубежной поэзией: иракскими верлибрами американского поэта Б. Тернера, стихами канадца Л.-Ф. Эбера, болгарина Ц. Марангозова, норвежца А. Русте. В примечаниях к книге даны необходимые комментарии, биографические справки. А в конечном итоге весь сборник подчинен одной идее — возвращению слову первоначальной ценности, сакрального смысла. «И ты стремись, вещая речь, // От порчи слово уберечь» («Заклинание»).

Марат Басыров. ЖеЗел: Роман. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2016. — 206 с.

В заголовке романа обыгрывается название известной серии — «Жизнь замечательных людей», «ЖЗЛ». Герои романа — несостоявшиеся писатели и поэты, они не стали известными, но их судьбы яркие, трагичны, поучительны, иными словами — по-своему замечательны. В чем причина несостоятельности эрудированных (диапазон познаний от античности до современной литературы), целеустремлен-

ных, упорных, трудолюбивых людей, приоритетом для которых являлось творчество? Специфика 90-х годов, на которые пришлась их молодость? Но, молодые и сильные, они умели — оставляя достаточно времени для творчества — зарабатывать себе на жизнь. Продавали часы и пиво, работали на стройках и на заводе, трудились дворниками и сторожами, открывали рекламные агентства и — в отличие от времен советских — не озабочивались записями в трудовых книжках. Их образ жизни, когда они «просто жили, питаясь своей молодостью», был достаточно традиционен для начинающих: встречи в ЛИТО, квартирные посиделки, где «тесный круг слушающих и кто-то один шаманит голосом», разговоры о литературе — «Париж и Лос-Анджелес» в маленькой кухне. Необходимый литературный котел, в котором могло получиться нечто путное. Не препятствовали становлению талантов и мимолетные интрижки без взаимных обязательств, легко переносилась житейская неустроенность. Но почему же взлета даже не до вершин, а хотя бы до середины литературного олимпа не случилось? Ответ — в романе Марата Басырова, романе автобиографическом, но в большей мере посвященном его друзьям, чем ему самому. Повествование ведется от первого лица: пять глав, пять новелл, пять героев: их характеры, творческие портреты, житейские перипетии, обстоятельства, под влиянием которых совершается эволюция личности и ее деградация. (Место действия — Петербург и окрестности, наверняка кто-то распознает в персонажах романа конкретных людей.) Автор не просто сторонний наблюдатель, он активно участвует в жизни друзей, не раз помогает им в сложных ситуациях, просто проявляет сочувствие, чтобы поддержать и ободрить. Судьбы героев неоднократно пересекаются, иногда одни и те же эпизоды предстают в разных главах, но в другом ракурсе, повторы приносят новое смысловое наполнение. Неспешное повествование ускоряется, приобретает стремительность, размеренное течение жизни сменяется каскадом событий в жизни каждого из героев, завершающимся разочарованиями, крахом надежд. Никто из героев новелл не стал Писателем, Поэтом. Ни обаятельный, легкий в общении Алик, гипнотизировавший слушателей своими безумно длинными рассказами. Устав притворяться писателем, пережив ряд личных драм, он в конце концов благополучно женился и обрел покой. Не достиг высот и харизматичный, брутальный, честолюбивый Омар, любимец женщин и человек без паспорта, познавший и бомжевание, и голод, когда его муза питалась исключительно неустроенностью и маргинальщиной. После долгих мытарств он укатил в Подмоскovie, а с ним, по словам рассказчика, «уехала целая эпоха, чертovo время, когда мы все были счастливы». А спустя много лет, разбирая стихи Омара, автор-повествователь в изумлявших когда-то строках Омара увидит претенциозный бред. «Исчезла магия, которую излучал сам автор, энергия, с которой он их читал. В отдельности от Омара слова оказались мертвы». Дикая метаморфоза произошла с неутомимым графоманом Соринным, прекрасным строителем, плохим поэтом и автором неудобочитаемых романов: из крепкого мужчины он превратился в развалину-алкоголика. Наполнена подлинным драматизмом судьба Сергеева, автора угрюмых коротких стихов и таких же коротких угрюмых рассказов, чья жизнь постоянно протекала вне семьи, вне дома, а музой в итоге стала женщина-инвалид. Ответ, почему герои оказались творчески несостоятельными, на поверхности: таланта не хватило. Ангелами, у которых не хватило крыльев, называет своих сотоварищей автор, размышляя «обо всех нас — таких сильных и слабых, таких романтических и таких восторженных, опьяненных жизнью и раздавленных ею, смирившихся и не сдавших своих позиций. Я думал о сломанных крыльях Алика. Думал о Валере Сорине, у которого их никогда не было и не будет. И снова о Николае Сергееве, вцепившемся в инвалидную коляску, чтобы, не дай бог, не взлететь. И об Омаре, с детства боявшемся высоты, но все равно

рвущемся в небо...» Но есть и более глубокая тема, сквозная линия романа: механизмы разрушения судьбы, своей и чужой, которые запускала наркотическая зависимость героев от самого процесса писания. Заявленное Аликом в первой главе: сознание формирует бытие, а не наоборот — обрело в романе доказательную базу, что отражено и в завершающей главе «Сергеев»: «Именно его болезненное сознание образовывало ту реальность, в которой ему приходилось жить». Контрастом к судьбам героев является судьба Маргариты, отказавшейся от «писанины» во имя реальной жизни, пусть и исполненной проблем и неурядиц, но с которыми она успешно справляется. Это она обещала когда-то написать обо всех, кто ее окружал, о поэтах и писателях, чьей музой она могла стать, но не стала. Ее обещание — написать о своих друзьях и — больше — о поколении нынешних сорокалетних — выполнил Марат Басыров. Он получил писательскую известность в 2014 году, когда его роман «Печатная машина» вошел в шорт-лист премии «Национальный бестселлер», его называли новым Буковски. 8 сентября 2016 года Марат Басыров ушел из жизни.

Николай Заболоцкий. Таинственный город. М.: Рипол-Классик, 2016. — 318 с. — (Легендарные книги литагентства ФТМ).

Малоизвестная страница творчества поэта Николая Заболоцкого (1903—1958), впервые переизданные после выхода в свет два переложения для детей произведений о путешествиях в экзотические страны, Африку и Тибет. Для детей начинающий литератор стал работать, так как нуждался в регулярном заработке, и приглашение ассоциации «Писатели детской литературы» пришлось кстати. Выступал под псевдонимами Я. Миллер, Яков Миллер, иногда подписывался просто инициалами. Литературные переложения приключенческой повести о путешествии в Тибет и писем о работе русского врача в Африке были сделаны им по совету Маршака. Книга «Письма из Африки» под авторством Беюла и в обработке Н. Заболоцкого вышла в 1928 году. В предисловии к книге сообщалось: «В этой книжке нет ни одного слова выдумки. Все, о чем прочитаете, — случилось на самом деле. Написал эту книгу русский доктор, который в 1925 году уехал в Африку, чтобы изучать свирепствующую там сонную болезнь и лечить негров. За время своих путешествий доктор хорошо присмотрелся к негритянской жизни, да и сам испытал немало приключений. Все это он описывает в своих письмах, которые посылает в Ленинград своим родственникам». В письмах подробно рассказывается о быте коренного населения в районе озера Чад, во Французской Экваториальной Африке: охота на бегемотов, львов, слонов и охотничьи хитрости негров, способы рыбалки, традиционная еда и одежда, болезни негров. И характерные заключения: «И вот в такой стране, где до сих пор людей продают в рабство, где может быть, и людоедство еще кое-где сохранилось, где негры устраивают бессмысленные боины из-за всякого пустяка, где население гибнет от нищеты и невежества, в этой стране до сих пор не строятся ни школы, ни больницы...» «Таинственный город» под псевдонимом Я. Миллер вышел в 1931 году. В его основу легла книга британского военного медика и археолога-любителя Л.-А. Уодделя (1854—1938) о путешествии в Тибет. Заболоцкий, сохранив общую канву повествования, сократил его почти вдвое, ввел новые сюжетные линии, новых героев. У главного героя, молодого англичанина, под видом паломника, проникшего в запретный для европейцев Тибет, появились верные друзья: старый товарищ отца индус Нен-Синг и тибетец Хамбо. Действие развивается очень динамично: умопомрачительные приключения, смертельные опасности и чудесные спасения, аресты, побег, погони. Главный герой волею случая оказался не только в запретном городе Лхасе, но и в эпицентре заговора лам против

регента, ставленника китайцев, проводившего в последний путь уже четырех далай-лам, едва достигших совершеннолетия. Органично, искусно растворены в тексте познавательные описания экзотической страны: пейзажи, флора и фауна, монастыри, дворцы, культовые сооружения, святилища. Воспроизведены быт тибетцев, религиозные обряды и молитвенные приспособления буддистов, легенды, в том числе и созвучная западной науке, установившей родство первобытного человека с первобытной обезьяной. И история Тибета, его отношений с внешним миром и изверский захват независимого Тибета англичанами (о последнем точно не писал Л.-А. Уоддель). Н. Заболоцкий идет по стопам Жюль Верна, но адаптирует повествование к более динамичному XX веку. Присутствует и неизбежный идеологический компонент. Это и главный герой «Таинственного города», провозглашающий достойным имени человека только человека-борца, труженика и героя, способного побороть все трудности и все-таки достигнуть своей цели. И тема социального неравенства — противопоставление убожества жизни простых тибетцев и роскоши лам, благоденствующих за счет одураченного народа. Недаром после всех приключений главный герой тибетской эпопеи и его друзья становятся участниками индийского освободительного движения. Созвучны эпохе и патетические (или «квазипатетические») финалы: «Беда, если негр простудится. ...Ни от какой эпидемии не умирает столько несчастных негров, как от простой простуды. И сколько нужно времени, чтобы вывести негра из этой нищенской, рабской жизни! Да, негр должен стать свободным и культурным человеком. Только тогда по-настоящему зацветет брусса, и свободно вздохнет вся черная закабаленная Африка!», «И кто может поручиться, что в одно прекрасное время тибетский народ не сбросит с себя позорное иго англичан? Кто может с уверенностью сказать, что вместе с англичанами не полетят в воздух ламы — эти жирные тунеядцы и угнетатели невежественного люда? История справедлива и беспощадна. Миллионы людей взывают к мести. Восток проснулся. За его спиной — тысячелетия рабства, впереди — новая свободная жизнь. Мы ждем... мы верим... мы работаем...». Книгу предваряет содержательная статья филолога Игоря Ложилова, где он устанавливает подлинное имя автора «Писем из Африки»: за таинственным Бюлом скрывался доктор Яков Иванович Чабров (1883—1953), осевший во Франции после участия в военных кампаниях Первой мировой войны; определяет источники «Таинственного города»; выявляет связь «заказной работы» с творческой лабораторией Заболоцкого-поэта; с туристической практикой, с интересом поэта к духовным традициям и практикам разных религий, в том числе, что отнюдь не было поощряемым в 1920—1930-е годы, к духовной жизни Востока.

Юлия Щербина. Время библиоскопов: Современность в зеркале книжной культуры. М.: Форум, Неолит, 2016. — 416 с.

Фундаментальное исследование книжной культуры наших дней: новейшие книгоиздательские форматы, неоднозначные эксперименты, стратегии чтения в формате Web 2.0, компьютерные игры, библиотерапия и библиофобия, проблемы графомании, плагиата, книжного пиратства, писательские технологии, взаимоотношения писателей с издателями и читателями. Доктор педагогических наук Юлия Щербина размышляет о том, каким странным метаморфозам подверглись традиционные практики обращения с книгами, насколько неожиданно изменились многие понятия в новых культурных условиях. Классифицирует происходящее в мире книг, использует не устоявшиеся в обыденном сознании термины. Неовинтажная книга, coffee table book, партворки, «виммельбухи», флипбуки, флипбэки... Несть числа творческим экспериментам. Ю. Щербина ищет ответ на серьезные во-

просы. Что есть писательство в современном мире? Каковы критерии подлинного творчества и что отличает его от графомании, болезненного влечения к бесполезному сочинительству? Почему писатель не брезгает плагиатом, а читатель — книжным пиратством? Литература и критика — друзья или враги? Да и существует ли сегодня литературная критика, способная создать вокруг себя интеллектуальное пространство и смоделировать литературный процесс, или растворилась в рекламных рубриках глянцевого журналов, в необъятных просторах Интернета, где судьями выступают вообразившие себя экспертами дилетанты, для которых книга — инструмент самопозиционирования, самореализации и публичного продвижения? Анализируя происходящее в книжном мире и в литературе, исследовательница обращается к конкретным книгам и авторам, современным и предыдущих эпох. Сравнивая книжную культуру прошлого и настоящего, совершая исторические экскурсы, она убеждается, что ничто не ново под луной. И то, что мы считаем ультра-новым, иногда просто хорошо забытое старое: эксперименты с заглавиями произведений и обложками, игры со шрифтом, способность чтения (особенно поэзии) оказывать целительное воздействие известна со времен Рамзеса II — при входе в его книгохранилище располагалась табличка с надписью «Лекарство для души», плагиат введом со времен Геродота. Даже книжное пиратство отнюдь не порождение виртуальной культуры и зло цифровой эпохи, а почти ровесник Гутенбергу. И библиоскопы, те, кто предпочитает разглядывать книги не читая, появились не сегодня. Сам термин принадлежит французскому издателю и библиофилу рубежа XIX—XX веков Узанну, который так характеризовал библиоскопа: «Он довольствуется знакомством с поверхностью вещей и никогда не обременит себя усилием проникнуть в глубь книги». Другое дело, что прежде библиоскопия была маргинальной и по большей части осуждаемой, а нынче, утратив негативную оценку, стала доминирующей стратегией. И все-таки новое есть. Яркая примета современности — визуализация культурных форм. Книга перестает быть самоценной, на ее основе появляются арт-объекты, игры, инсталляции, книгу используют как элемент интерьера, делают из нее платья, скатерти, торшеры, шкатулки, серьги, сумки... Благодаря Интернету возникли особые стратегии читательского поведения, специфические формы высказываний о литературе, самым актуальным искусством становится «искусство рассуждать о книгах, которые вы не читали». Ю. Щербинина высказывается жестко: «Прежде книгу почитали и берегли как святыню, как сакральный предмет, *икону культуры* — сейчас ею распоряжаются как функциональной вещью, или модным атрибутом, или забавной игрушкой, а то и как „отжившим свой век“ предметом для вторичной обработки». Утверждение, что в ряде новейших культурных практик просматривается постодичание — сквозная, магистральная идея книги. «Новое средневековье». Хотя... «средневековые люди не переделывали книгу ради творческого самовыражения». Раньше создатели книг жаждали прежде всего гармонии формы и содержания, теперь — потребительского интереса. Сегодня писателю книга нужна для престижа, издателю — для прибыли, читателю для самовыражения. «К популярности сакральность не пришьешь. Повивальной бабкой писательского детища становится на Муза, а Мода». Писательство, утратив мессианскую направленность, превратилось в отрасль легкой промышленности по производству интеллектуальной продукции. Профи-хлестаковщина царит в литературе, полагает автор: тексты не вынашиваются и не рождаются, но конструируются, кроются, вытачиваются, склеиваются на потребу издателю, публики. «Главный диагноз современной литературы — недоношенность и преждевременные роды. Производство текстов поставлено на конвейер, главными принципами стали количество и скорость». Автор показывает, как писатель встраивается в систему потребительской культуры, а литература при этом несет неизбежные смысловые

потери. Время библиоскопов... И все-таки... Ситуация неоднозначная и двойственная, считает Ю. Щербинина. В каждом явлении есть свои плюсы и минусы. В конечном итоге книга неуничтожима до тех пор, пока жива человеческая мысль.

Владимир Василик. Крест Великой Отечественной. СПб.: Алетейя, 2016. — 276 с.

Сборник статей доцента СПбГУ, диакона Владимира Василика, где истоки Второй мировой войны и фашизма, различные аспекты Великой Отечественной войны рассматриваются с точки зрения человека церкви. В. Василик вскрывает оккультную, неоязыческую сущность гитлеризма; противопоставляет антихристианской идеологии Гитлера идеологию советскую, пусть атеистическую, но все-таки не оккультную. Как суд Божий рассматривает важнейшие битвы Великой Отечественной войны. Проводит параллель между сражением под Прохоровкой, знаменитым лобовым столкновением немецких танковых войск с нашей армией и битвой Александра Невского с крестоносцами на Чудском озере. Отмечает знаковость освобождения Севастополя, города не только русской славы, но и колыбели русского православия, где в древнем Херсонесе крестился князь Владимир. Ряд статей посвящен освобождению Европы и разоблачению нынешних спекуляций об «оккупации» Европы советскими войсками, о «вине» СССР за неудачу Варшавского восстания. Фальсификацию истории Великой Отечественной войны В. Василик считает духовным помрачением. С цитатами и ссылками на документы автор разоблачает мифы о потерях Красной армии, гражданского населения и вермахта в войне, о судьбе военнопленных, о партизанском движении, о штрафных батальонах. Жестко выступает против так называемого «оправдания» генерала А. Власова и ему подобных. Многие страницы посвящены патриотическому служению РПЦ во время Великой Отечественной войны. Это и послания патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия, первым, еще до выступления Сталина, воззвавшим к памяти святых вождей русского народа — Александра Невского, Дмитрия Донского, «полагавших души свои за народ и Родину». РПЦ собирала средства на нужды армии, в немалой степени способствовала созданию среди союзников положительного образа СССР. Священнослужители служили в армии и получали боевые награды, участвовали в партизанском движении, рыли окопы, шефствовали над госпиталями, ухаживали за больными и ранеными, давали убежище детям и старикам — и окормляли верующих. Особые страницы — подвиг ленинградского духовенства, малоизвестные факты, например, то, что для отпевания покойных жители блокадного города подтаскивали тела к храмам, иногда тела заслоняли вход в храм, где уже находилось от 30 до 100 трупов. Сила русского православия, считает В. Василик, была в том, что, несмотря на десятилетия гонений на Церковь, в душах русских людей сохранилась вера. Он приводит примеры парадоксального сочетания советского и православного начал: письмо солдата М. Черкасова: «Мама, я вступил в партию... Мама, помолись за меня Богу»; Г. Жуков, что всю войну провозил с собой Казанскую икону Божией Матери; Б. Шапошников, что носил образ св. Николая, храмы посещали и Л. Говоров, В. Чуйков. К вере приходили или вспоминали о ней и простые солдаты, и военачальники. Не единожды автор указывает на символику дат: так, трагический день 22 июня 1941 года по церковному календарю был днем всех святых, в земле Российской просиявших, и явился своеобразным эсхатологическим знаменем мученического периода в истории России, но в 1941 году он промыслительно стал и началом освобождения и возрождения Церкви. «Русские святые стали той духовной стеной, которая остановила бронированную немецкую машину с оккультной свастикой». Глубоко символично и то, что штурм Берлина завершился 2 мая, которое в 1945 году приходилось на Великий вторник, день, посвященный воспоминанию Страшного суда. И нацист-

ский Берлин вполне напоминал Ниневию, о которой пророчествовал святой пророк Наум: «Горе городу кровей, городу обмана и убийства!.. Нет врачевства для раны твоей, болезненна язва твоя. Все, услышавшие весть о тебе, будут рукоплескать о тебе, ибо на кого не простиралась беспрестанно злоба твоя?» Дата фактического окончания войны, 6 мая 1945 года, пришлась на день Пасхи Христовой, победы жизни над смертью, любви над ненавистью, правды над ложью. Символические даты есть и в истории блокады Ленинграда: ее начала и снятия. Отдельная глава посвящена размышлениям о христианских смыслах поэзии военных лет, о символе креста в тогдашних стихах. Один из первых поэтов, обратившихся к этому символу, был К. Симонов: «...крестом своих рук ограждая живых, всем миром сойдясь, наши прадеды молятся за в Бога не верящих внуков своих» («Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины?»). Как молитва воспринимается его же стихотворение «Жди меня», смыслы Креста, Голгофы, Крестного пути и Тайной Вечери — разделения хлеба заложены в стихотворение «Слепец». Христианскими по смыслам и духу, зачастую прямо отсылающими к Библии, вплоть до почти прямых цитат, были военные стихи А. Ахматовой. На протяжении долгих десятилетий вклад Церкви в победу целенаправленно замалчивался. Только после 1988 года стали появляться публикации на эту тему, книга В. Василюк одна из таких публикаций, эту лакуну заполняющая.

Дмитрий Володихин. Рюриковичи. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2015. — 484 с.; ил. — (Жизнь замечательных людей. сер. биограф.; вып 1520).

Государи, воеводы, святые... В книге — более трех десятков биографий. Очерки разные по объему, в зависимости от имеющихся в распоряжении историка источников. Особенно мало известий о ранних государях московской ветви, даже с датами нет ясности. Имена героев очерков известные — по учебникам, историческим романам, фильмам, картинам: Владимир Креститель, Ярослав Мудрый, Александр Невский, Дмитрий Донской. И малоизвестные, такие, как Дмитрий Суздальско-Нижегородский, правитель некогда могучей державы XIV века, «забытой» историками и нами, умелый воитель Юрий Звенигородский, князь Иван Шуйский, отстоявший Псков, осажденный армией польского короля Стефана Батория. Среди героев — погибшие в Орде Михаил Черниговский и грозный враг Москвы Михаил Тверской. Многомерные портреты, неоднозначные оценки, емкие заглавия очерков. «Лихоимец Игорь», стоявший (согласно летописям) у истоков древнерусской государственности, скверный полководец, погибший из-за собственной жадности. «Искатель престолов» Юрий Долгорукий, настоящий «полевой командир», кондотьер, стремившийся к овладению Киевом, и успешный строитель в не любимой им Ростово-Суздальской земле, чью мощь продолжили крепить его потомки. Государи московские — от Даниила Московского, заложившего фундамент московского доминирования до Василия Шуйского, последнего Рюриковича на русском престоле, при котором «целая эпоха сгорела в беспощадном пламени гражданской войны». Особое место в галерее портретов занимает Иван III Великий, превративший крошечное удельное Русь в огромное и сильное Московское государство. При нем в «Русском хронографе» русские книжники-интеллектуалы вывели отечественную историческую мысль с провинциального уровня на мировой, впервые Русь была представлена как великая православная держава, именно тогда появились историософские идеи «Москва — Третий Рим», Москва «как новый Иерусалим». Но самый внушительный портрет в этой галерее, естественно, портрет Ивана IV Грозного: артист на троне, достойное дитя XVI века, века великих страстей, «театра европейских монархов» и шекспировских пьес. Д. Володихин скрупулезно, в деталях восстанавливает прошлое: бурная хроника походов, отдельные битвы, перипетии

усобиц, дипломатия, отношения с соседями, роль церкви, деяния, заслуги и промахи властителей. И всякий раз — выразительная характеристика соответствующей эпохи: времен разбрасывать камни, когда брат шел на брата, с радостью отдаваясь буйству мечей и пляскам властолюбия, круша и истребляя само себя и собственную землю — Русь, и времен собирать камни — строить и укреплять Русь. Автор приводит малоизвестные факты: не в Корсуни, а в Киеве совершилось крещение князя Владимира; а Христова вера утвердилась на Руси не «огнем и мечом», а почти бескровно. Он приоткрывает тайны «Слова о полку Игореве», поэмы о неудачном походе второстепенного князя, и тайны судьбы несчастного младенца Дмитрия Углицкого. Реабилитирует род Шуйских, не уступавших в знатности московским Рюриковичам и несших на себе все бремя военных предприятий России. Выступает в защиту царя Федора Ивановича, достойного полководца и оратора, успешно делившего с Годуновым государственные обязанности. Историк восстанавливает, выходя за пределы времен Смуты, биографию Дмитрия Пожарского и историю древнего рода Пожарских-Рюриковичей, потомков знаменитого Всеволода Большое Гнездо. Рассматривая спорные вопросы нашей истории, высказывая свою версию, автор приводит и все существующие ныне гипотезы и точки зрения на вопрос. Так, нет точного ответа, кем был Рюрик, годится любая гипотеза. Но могли ли скандинавские народы «передать опыт государственного строительства» Руси, если большинство их собственных государств сложится позднее, чем на восточнославянских землях? Беспочвенной публицистикой в глазах историка выглядят современные негативные мифы об Александре Невском. Совершенно неожиданны в трактовке автора опричнина и массовый террор времен Ивана Грозного. На протяжении веков Русь не знала массовых репрессий: террор был глубоко чужд русскому обществу и во времена Батыевы, и при святом Сергии Радонежском, и на заре существования единого Московского государства. Это «новшество» пришло на Русь из политической культуры Западной Европы XVI столетия, которая отличалась гораздо большей жестокостью, нежели русская. Российская дипломатия, связывавшая царский престол с множеством престолов европейских, приносила Ивану IV ценные сведения о тамошних политических «новинках». Русская политическая культура оказалась инфицированной. «Вирус массовых казней вошел в нее, и до сих пор непонятно, как от него избавиться. Если Московское государство, с легкой руки первого русского царя, действительно заимствовало практику массовых политических репрессий у Европы, то это был опыт, требовавшийся Русской цивилизации меньше всего». Интересная точка зрения? Д. Володихин пишет страстно и увлеченно, текст наполняется живыми «показаниями источников», само время звучит на разные голоса, «звучат голоса» и историков разных времен. Династия Рюриковичей правила Русью семь с половиной веков. По биографиям тех, кто включен в эту книгу, отчетливо прослеживается, как изначальное Киевское княжество в течение нескольких столетий превратилось в иное государство — то самое, в котором мы живем и поныне, — Россию.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66,
т. (812) 640-44-06 www.lavkapisateley.spb.ru)